

Болото — эпизод 3 из 8

Жмакин вдруг резко остановился и повернулся к студенту.

— Николай Николаевич! Да прошу же я вас наконец! — воскликнул он плачущим, бабьим голосом. — Так вы много разговариваете, что терпение мое лопнуло. Не могу я больше, не желаю!.. Кажется, интеллигентный человек, а не понимаете такой простой вещи. Ну, говорили бы дома или с товарищем своим. А какой же я вам товарищ, спрашивается? Вы сами по себе, я сам по себе, и... и не желаю я этих разговоров. Имею полное право...

Николай Николаевич боком, поверх стекол пенсне, поглядел на Жмакина. У землемера было необыкновенное лицо: спереди узкое, длинное и острое до карикатурности, но широкое и плоское, если глядеть на него сбоку, — лицо без фаса, а с одним только профилем и с унылым висячим носом. И в мягком, отчетливом сумраке позднего вечера студент увидел на этом лице такое скучное, тяжелое и сердитое отвращение к жизни, что у него сердце заняло мучительной жалостью. Сразу с какой-то проникновенною, больною ясностью он вдруг понял и почувствовал в самом себе всю ту мелочность, ограниченность и бесцельное недоброжелательство, которые наполняли скудную и одинокую душу этого неудачника.

— Да вы не сердитесь, Егор Иваныч, — сказал он примирительно и смущенно.
— Я не хотел вас обидеть. Какой вы раздражительный!

— Раздражительный, раздражительный, — с бестолковой злостью подхватил Жмакин. — Вполне станешь раздражительным. Не люблю я этих разговоров... вот что... Да и вообще, какая я вам компания? Вы человек образованный, аристократ, а я что? Серое существо — и ничего больше.

Студент разочарованно замолчал. Ему всегда становилось грустно, когда он в жизни натыкался на грубость и несправедливость. Он отстал от землемера и молча шел за ним, глядя ему в спину. И даже эта согнутая, узкая, жесткая спина, казалось, без слов, но с мрачною выразительностью говорила о нелепо и жалко проволочившейся жизни, о нескончаемом ряде пошлых обид судьбы, об упрямом и озлобленном самолюбии...

В лесу совсем стемнело, но глаз, привыкший к постепенному переходу от света к темноте, различал вокруг неясные, призрачные силуэты деревьев. Был тихий, дремотный час между вечером и ночью. Ни звука, ни шороха не

раздавалось в лесу, и в воздухе чувствовался тягучий, медвяный травяной запах, плывший с далеких полей.

Дорога шла вниз. На повороте в лицо студента вдруг пахнуло, точно из глубокого погреба, сырым холодком.

— Осторожнее, здесь болото, — отрывисто и не оборачиваясь сказал Жмакин.

Николай Николаевич только теперь заметил, что ноги его ступали неслышно и мягко, как по ковру. Вправо и влево от тропинки шел невысокий, путаный кустарник, и вокруг него, цепляясь за ветки, колеблясь и вытягиваясь, бродили разорванные неясно-белые клочья тумана. Станный звук неожиданно пронесся по лесу. Он был протяжен, низок и гармонично-печален и, казалось, выходил из-под земли. Студент сразу остановился и затрясся на месте от испуга.

— Что это, что? — спросил он дрожащим голосом.

— Выпь, — коротко и угрюмо ответил землемер. — Идемте, идемте. Это плотина.

Теперь ничего нельзя было разобрать. И справа и слева туман стоял сплошными белыми мягкими пеленами. Студент у себя на лице чувствовал его влажное и липкое прикосновение. Впереди равномерно колыхалось темное расплывающееся пятно: это была спина шедшего впереди землемера. Дороги не было видно, но по сторонам от нее чувствовалось болото. Из него подымался тяжелый запах гнилых водорослей и сырых грибов. Почва плотины пружинилась и дрожала под ногами, и при каждом шаге где-то сбоку и внизу раздавалось жирное хлюпанье просачивающейся тины.

Землемер вдруг остановился. Сердюков с размаху уткнулся лицом ему в спину.

— Тише. Эк вас несет! — сердито огрызнулся Жмакин. — Подождите, я покричу лесника. Еще ухнешь, пожалуй, в эту чертову трясику.

Он приложил ладони трубой ко рту и закричал протяжно:

— Степ-а-ан!

Уходя в мягкую бездну тумана, голос его звучал слабо и бесцветно, точно он отсырел в мокрых болотных испарениях.

— А, черт его знает, куда тут идти! — злобно проворчал, стиснув зубы, землемер. — Впору хоть на четвереньках ползти. Степ-а-ан! — крикнул он еще раз раздраженным и плачущим голосом.

— Степан! — поддержал отрывистым и глухим басом студент.

Они долго кричали, по очереди, кричали до тех пор, пока в страшном отдалении от них туман не засветился в одном месте большим, желтым, бесформенным сиянием. Но это светящееся мутное пятно, казалось, не приближалось к ним, а медленно раскачивалось влево и вправо.

— Степан, ты, что ли? — крикнул в эту сторону землемер.

— Гоп-гоп! — отозвался из бесконечной дали задушенный голос. — Никак Егор Иваныч?